

С. П. Тимошенко

*Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН
(Россия, Москва)
timoshenko@iitp.ru*

ЕЩЕ РАЗ О ВНЕШНЕМ ПОСЕССОРЕ: СРАВНЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ И С ПРЕДЛОГОМ К*

В статье рассматриваются случаи синонимии конструкций с дательным падежом (дательная конструкция) и с предлогом *к*, управляющим дательным падежом (*к*-конструкция): (1) *Вор лезет ей / к ней в сумочку*. Во многих исследованиях каждая из этих конструкций рассматривается как частный случай экстрапозиции посессора. Этот подход хорошо объясняет отличия каждой из них от генитивной группы, способной передать то же отношение элементов (*лезет в ее сумочку*), но не может однозначно ответить на вопрос, каковы различия между ними и каким образом эти различия нейтрализуются в рассматриваемых синонимичных примерах. Примеры показывают, что *к*-конструкция обладает собственной семантикой, которая особенно отчетливо выступает в сочетаниях с предикатами, не имеющими в своем значении компонента ‘перемещение’ (*одеться к подружке на улицу*). Во всех случаях, когда *к*-конструкция рассматривается как оформление внешнего посессора, эта семантика сохраняется. Это приводит нас к выводу, что *к*-конструкция, скорее всего, не является грамматикализованным способом оформления внешнего посессора. Посессивный компонент добавляется к семантике *к*-конструкции тогда, когда предикат накладывает соответствующие ограничения на актанты, как в случае *лезть* ‘проникать куда-либо с целью воровства’. Дательная конструкция, вероятно, действительно возникает в результате подъема посессора со всеми присущими ему прагматическими изменениями.

Ключевые слова: расщепленная валентность, внешний посессор, экстрапозиция посессора, дательная конструкция, предлог *к*, валентность конечной точки.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-10422-П.

1. Вступление

Наше внимание привлекли примеры, в которых одна и та же характеристика глагольного дополнения или обстоятельства, выраженного предложной группой с предлогом направления, может оформляться как дательным падежом, так и предложной группой с предлогом *к*. См., например:

- (1a) *Однажды она рассказала, как на рынке предупредила женщину о том, что вор лезет к ней в сумочку...* (М. Тарковский. Жизнь и книга. 2002)²;
 (1b) *Женщина указала на парня, который лез ей в сумочку* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить! 2000).

На подобные примеры уже обращалось внимание, поэтому изложение материала будет предварено историей вопроса. В разделе 2 мы подробно изложим самую новую гипотезу, которую нам удалось найти и которая кажется нам не вполне удовлетворительной. В разделе 3 приводятся контрастные примеры интересующих нас конструкций, т. е. такие, в которых возможна только какая-то одна из двух конструкций, а также такие, где замена конструкции приводит к очевидному изменению смысла. На основе этих примеров в разделе 4 предлагается описание их семантики и функционирования. В разделе 5 мы возвращаемся к примерам типа (1) и предлагаем объяснение возникновения синонимии. Для краткости мы будем называть сочетания вида «дополнение / обстоятельство + именная группа в дат. п.» дательной конструкцией, а сочетания вида «дополнение + предложная группа с предлогом *к*» — *к*-конструкцией.

2. История рассмотрения

Существуют разные теоретические подходы к описанию конструкций, иллюстрируемых примерами (1). Если рассматривать их с позиций Московской семантической школы, то в них можно увидеть частный случай расщепления валентности — смещение актанта. Определение расщепления валентности, ставшее классическим, приводится Ю. Д. Апресяном в работе [Апресян 1995: 153–156]. Среди перечисленных в ней случаев расщепления валентности примеров с *к*-конструкцией нет, однако позже Е. В. Муравенко, анализируя глаголы движения, имеющие валентность конечного пункта, предложила усматривать расщепление валентности в тех случаях, когда на заполнение валентности конечной точки претендуют сразу несколько предложных групп (*прийти в университет на лекцию к профессору Кибрику, поехать на семинар к Ю. Д. Апресяну*) [Муравенко 1998]. Возможность замены расщепленной валентности генитивной группой, составленной из тех же элементов, была отмечена в [Апресян 1995: 153–156], но рассматривалась лишь как тест, косвенное свидетельство того, что перед нами пример расщепленной валентности. Для примеров (1) такая замещающая генитивная группа — (*в*) *её сумочку*.

² Здесь и далее примеры, источник которых указан в круглых скобках, взяты из [НКРЯ].

Ровно 20 лет назад в юбилейном сборнике «Слово в тексте и словаре» была опубликована статья А. Е. Кибрика, в которой случаи такого расщепления валентностей, когда расщепленным валентностям соответствует генитивная группа, рассматривались как частный случай «высвобождения» посессора, «являющегося зависимой составляющей в составе неэлементарной именной группы» [Кибрик 2000: 435]. С этой статьи начались масштабные исследования конструкций с внешним посессором в русском языке, а в рассмотрении и объяснении интересующих нас случаев на первое место вышла генитивная группа — все остальные конструкции стали описываться как производные от нее. Посессивные конструкции были разделены на конструкции с внутренним посессором (собственно генитивная группа), конструкции с внешним посессором, где экстрапонирован посессор, и конструкции с внешним посессором, где экстрапонировано обладаемое. Дативная конструкция и *к*-конструкция отнесены А. Е. Кибриком к конструкциям с экстрапонированным посессором. Помимо них, к этому типу относится конструкция с предлогом *у*. Любопытно, что в числе иллюстрирующих примеров на датив и на предложную группу с *к* приводятся парные примеры, аналогичные (1):

(2а) *Палка упала ему на голову.*

(2б) *Записка упала к ней на колени.*

Комментарий А. Е. Кибрика такой: «Предложная группа “К НЕМУ” мотивирована направительным значением глагола. Выражение дативом совмещает направительное и адресатное значения. Датив в этой конструкции коррелирует также с присущим этому падежу значением лица, затронутого данным событием» [Кибрик 2000: 440].

Итоги корпусного исследования изложены в статье [Кибрик и др. 2006]. Проанализированы следующие параметры, способные «благоприятствовать» конструкциям с внешним посессором: морфосинтаксический тип конструкции, семантический тип посессивного отношения, тематический (семантический) класс вершинного предиката, семантическая (тематическая) роль актанта, выражаемого прототипической посессивной конструкцией (т. е. генитивной группой). Читателю, который, подобно нам, интересуется спецификой дативной конструкции и *к*-конструкции, не может не броситься в глаза тот факт, что, несмотря на декларируемую значимость морфосинтаксической характеристики самой конструкции, все данные, приводимые в статье, касаются трех обобщенных классов конструкций: конструкций с внутренним посессором, с экстрапонированным посессором и с экстрапонированным обладаемым. И среди примеров экстрапонированного посессора нет ни одного с *к*-конструкцией.

Год спустя А. П. Леонтьев опубликовал статью, озаглавленную «Корреляция генитивных отношений и конструкций с внешним посессором: трудности, возникшие при описании» [Леонтьев 2007], и большая ее часть посвящена как раз сопоставлению конструкций с дативом и с предлогом *к*. Отталкиваясь от очередной пары «практически полностью синонимичных» примеров (3), автор делает предположение, что эти конструкции должны «предпочитать» одни и те же семантические типы генитивных отношений, однако данные их корпуса показывают, что

к-конструкция в отличие от дативной конструкции наиболее часто встречается с отношением бытования, а не части тела.

(3а) *Все грязные миски ставят Шухову в окошко.*

(3б) *Все грязные миски ставят к Шухову в окошко.*

А.П. Леонтьев рассматривает гипотезу, согласно которой конструкция с *к* — это эквивалент дативной конструкции для глаголов движения, однако в корпусе, по которому исследовались конструкции с внешним possessором, не наблюдается «хорошего» дистрибутивного распределения рассматриваемых конструкций по семантическим классам глаголов, т. е. встречаются примеры, где при глаголах движения употреблена дативная конструкция, а не конструкция с *к*.

В итоге А.П. Леонтьев предлагает следующее объяснение: «Дативная конструкция и конструкция с предлогом *к* семантически различны. В конструкции с предлогом *к* possessор является получателем того объекта, который перемещался, и при этом необязательно, что его интересы этим самым сильно затронуты. Последнее отличает *к*-конструкцию от дативной, где затронутость интересов possessора обязательна» [Леонтьев 2007: 366]. Делается вывод, что семантика конструкции оказывается важнее, чем тип генитивного отношения, имеющегося между ее компонентами: «...чтобы возникла та или иная конструкция, необходимо не столько какое-то отношение между possessором и обладаемым — гораздо более важной является семантическая роль possessора» [Там же: 367]. Эти выводы кажутся нам неубедительными по нескольким причинам. Во-первых, утверждение, что possessор является получателем перемещаемого объекта, неприменимо к некаузативным глаголам перемещения³. В частности, непонятно, как его применить к примеру (1). Во-вторых, непонятно, что такое затронутость интересов possessора и проявляется ли она в чем-либо, помимо выбора дательного падежа. В-третьих, предполагается, что семантическая разница между примерами с дативной конструкцией и с *к*-конструкцией есть всегда, коль скоро они различны. Почему же тогда это семантическое различие столь неочевидно для примеров (1), (2) и (3)?

3. Контрастные примеры

3.1. Примеры случаев, в которых дативная конструкция и *к*-конструкция не взаимозаменяемы

Выяснение разницы между дативной конструкцией и *к*-конструкцией разумнее начинать с тех случаев, когда они не взаимозаменяемы. А.П. Леонтьев приводит два таких примера:

³ Под некаузативными глаголами перемещения мы понимаем глаголы типа *есть*, в которых перемещается первый актант. Мы отличаем их от глаголов каузированного перемещения (*отправлять*) и глаголов сопутствующего перемещения (*транспортировать*). Последние два типа имеют второй актант, выражаемый прямым дополнением, и для их семантики существенно, что он перемещается.

- (4) **К нам в город** <***нам в город**> эвакуировали беженцев;
(5) **Мальчик посмотрел мне в глаза** <***ко мне в глаза**> [Леонтьев 2007: 365]

К примеру (4) предлагаемое автором объяснение применяется таким образом: семантика глагола *эвакуировать* предполагает, что соответствующие действия производятся в интересах того, кто эвакуируется, но не в интересах «принимающей стороны». Пример (5) в статье [Леонтьев 2007] оставлен без объяснения.

Для полноты картины к примеру (4) следует добавить, что замена *к*-конструкции на дативную невозможна во всех случаях, когда эта конструкция оформляет конечную точку перемещения, обозначенного некаузативным глаголом перемещения. «Интерес» тут никакой роли не играет: запрет сохраняется даже в тех случаях, когда в качестве посессора выступает местоимение *себя*:

- (6) *А я поняла, что нужно пробираться к себе в город* <***себе в город**> (Наука и религия. 2008).

Для примера (5) можно также найти примеры, где *к*-конструкция используется при глаголе *смотреть*: *Один посмотрел вверх и увидел меня, что я в окно гляжу. Дядя встал, посмотрел к нам в окно и говорит: — Ты что же это в звонок звонишь?* (Б. С. Житков. Что я видел. 1937).

Список примеров, в которых рассматриваемые нами конструкции не взаимозаменяемы, легко пополнить.

Обследуя [НКРЯ] на предмет сочетания глагола *лезть* с интересующими нас конструкциями, мы обнаружили, что фразеологическая единица *кусок в горло не лезет* встречается только в вариантах с дат. п.:

- (7) *Никакой кусок не лез мне в горло* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993–2003).

Фразеологическая единица *лезть в душу* допускает и датив, и *к*-конструкцию, если нет дополнения в твор. п. с инструментальным значением. В противном случае (см. 11а) возможен только дат. п.

- (8а) *Я не смею лезть к тебе в душу* (А. И. Куприн. Яма. 1909–1915);
(8б) *Она считала, что раньше для того, чтобы никто не лез тебе в душу, приходилось прикладывать гораздо большие усилий, чем теперь* (А. Берсенева. Возраст третьей любви. 2005);
(9а) *Но только не лезьте ему сапогом в душу!* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике. 1976–1999);
(9б) *Макар у нас — парень щетинистый и не дюже долболивает, когда в грязных сапогах лезут к нему в чистую душу...* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2. 1959).

Еще один пример, в котором возможен только дат. п.:

- (10) *Узнав смутно, где противник, лезли ему в лоб* (Родина. 1995).

Но есть среди примеров с глаголом *лезть* и такие, где возможна только *к*-конструкция. Эти случаи хорошо описываются с помощью одного из генитивных отношений из классификации [Кибрик и др. 2006], так называемого группового:

- (11) *Вы ведь с ним тоже приятели: все лезет к нам в Общество...* (Д. С. Межковский. Александр Первый. 1922).

Приведем также примеры невзаимозаменяемости конструкций при глаголе другой семантической группы, каузации местонахождения:

- (12a) *Я сунул ему в руку деньги, и он отправился вверх по пыльной дороге, на ходу вынимая из кармана неизменную принадлежность холостяка — мелко вязанную сетку* (В. Астафьев. Затеси. 1999);
 (12b) *Он сунул ей в лицо конверт: — Смотри, Мур, мы едем в Грецию, на остров Серифос!* (Л. Улицкая. Пиковая дама. 1995–2000).

3.2. Примеры, выявляющие разницу в семантике конструкций

Нижеследующие примеры были отобраны из выборки [НКРЯ], полученной по запросу: «дат. п.; на расстоянии 1 от него *на*; на расстоянии 1 от *на* сущ. *крыша* в вин. п.; в окрестности от -5 до 2 от *крыша* глагол движения (t:move)». Существительное *крыша* было выбрано потому, что оно, с одной стороны, является типичным местом, с другой стороны — типичной частью, чтобы обнаружить примеры типа *дому на крышу*, если таковые имеются.

- (13a) — *Чердачный, ты чего это тут расселся, свесив ноги, и не работаешь по специальности, — удивленно спросил Домовой. — Ты что, забыл, что ли, что ты обязан пугать всякого, кто пожалует к тебе на крышу?* (В. Постников. Удивительные похождения нечистой силы. 1996);
 (13b) *Таранец влез к Лаптю на крышу и, загибая пальцы на руках, ответил, что стоять будем сорок минут, умываться можно возле той башни, а завтрак у Федоренко уже приготовлен и когда угодно можно начинать* (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 3. 1935);
 (13c) *Лезай к Чубуку на крышу и все, что ему оттуда видно будет, передавай на опушку мне!* (А. П. Гайдар. Школа. 1929);
 (13d) *Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял еще громче...* (А. П. Чехов. Белолобый. 1895);
 (14a) *Только один раз племянница поинтересовалась узнать, правда ли, что в Италии живут на крышах. — А тебе зачем это понадобилось? — сейчас же строго крикнула на нее Липа. — Себе на крышу хочешь залезть, бесстыдница?* (П. С. Романов. Русская душа. 1920–1928);
 (14b) *Мои труды, как голуби, от меня летят, кому-то на крышу сядут, только не ко мне* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга третья. Хмурое утро. 1941).

Во всех примерах в (13) предложная группа с *к* обозначает участника, находящегося на крыше. А замена *к*-конструкции на дативную приводит к изменению смысла: *влез Лаптю на крышу* означает 'на крышу помещения, которым Лапоть владеет / населяет' (отношение обладания по классификации генитивных отношений [Кибрик и др. 2006]). Примеры дативной конструкции с этим значением — (14). Экспериментальная замена дативной конструкции на конструкцию с *к* дает предсказуемое изменение смысла: *к кому-то на крышу сядут* означает, что этот кто-то будет на крыше находиться.

4. Семантика и функционирование конструкций

Если посмотреть на примеры, где дативная конструкция не заменяема или заменяема с отчетливым изменением смысла, с одной стороны, и на примеры, где *к*-конструкция не заменяема или заменяема с отчетливым изменением смысла — с другой, то открываются некоторые закономерности. Позволим себе коротко повторить релевантные примеры, опуская однотипные.

- (15) Дативная конструкция:
(15a) *посмотрел мне в глаза*;
(15b) *кусок не лез мне в горло*;
(15c) *не лезьте ему сапогом в душу*;
(15d) *лезли ему <противнику> в лоб*;
(15e) *сунул ей в лицо конверт*;
(15f) *себе на крышу хочешь залезть*;
(15g) *кому-то на крышу сядут*.
- (16) *К*-конструкция:
(16a) *к нам в город эвакуировали*;
(16b) *пробираться к себе в город*;
(16c) *лезет к нам в Общество*;
(16d) *прыгнул к волчихе на крышу*;
(16e) *влез к Лаптю на крышу*.

Примеры с *к*-конструкцией — это глаголы перемещения в своем основном значении (кроме 16c). Показательно, что ни в одном случае между элементами, входящими в конструкцию, не устанавливаются базовые посессивные отношения: нет ни частей тела, ни предметов в чьем-то владении.

Примеры с дативной конструкцией, напротив, демонстрируют как раз базовые типы посессивных отношений между элементами конструкции и большее разнообразие семантических классов глаголов. Помимо глаголов перемещения, здесь есть глагол каузации местонахождения и глагол восприятия.

Подведем итоги: ядро глаголов, при которых возможна *к*-конструкция, составляют глаголы перемещения, а сама конструкция оформляет одушевленное лицо. Во всех случаях, кроме (16c), *к*-конструкция может и сама по себе заполнять семантическую валентность конечной точки перемещения (*эвакуировали к нам*,

пробираться к себе, прыгнул к волчихе, влез к Лантю). В сочетании же с другой предложной группой, заполняющей ту же валентность, она приобретает дополнительный смысл, состоящий в том, что одушевленный участник находится в месте, обозначаемом именной группой при предлоге направления. Эта семантика конструкции проявляется в сочетании с самыми разными глаголами (см. 17). Если в контексте подразумевается перемещение, его конечная точка может быть выражена с помощью *к*-конструкции.

- (17) *Моя тоже «зависает» время от времени, хотя девица очень шустрая (энерджайзер этакий). Но вот когда голодна или нужно одеться к подружке на улице — мухой все делает* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники. Форум. 2005).

Дативная конструкция, которая не допускает замены на *к*-конструкцию, — (15) — объединяет тела и их части, а также обладателя и его собственность, т. е. между ее элементами усматриваются самые основные посессивные отношения.

5. Нейтрализация различий

Прежде чем объяснить наши (квази)синонимичные примеры, позволим себе рассмотреть еще одну очень наглядную пару.

- (18a) *Ошеломленный неожиданным отпором, комиссар, видимо, первые минуты не знал, что предпринять, и лишь затем, спохватившись, стал звать себе на помощь стоявших на улице полицейских сержантов и агентов* (Н. Э. Гейнце. Самозванец. 1898);
- (18b) *Случился, видимо, спазм, а она не сочла возможным звать к себе на помощь Нору в момент ее любви* (Г. Щербакова. Актриса и милиционер. 1999).

(18) нельзя интерпретировать как экстрапонирование посессора, так как значение конструкций не является производным от генитивной группы: даже если заменить *себя* на полную именную группу, *к Ивану / Ивану на помощь* ≠ *на помощь Ивана*. В дативной и *к*-конструкции *Иван* — получатель помощи, а в генитивной — субъект помощи. Не является (18) и примером расщепленной валентности. Если сопоставить эти примеры с описанием ЗВАТЬ из «Активного словаря русского языка» [АС: 700], то (18b) структурно сближается с *звать* 1.2 ‘приглашать’, которая имеет четыре семантических актанта: ‘человек А1 просит человека А2 прийти в место А3 с целью А4’. Третий актант заполняется любой подходящей группой, в том числе с предлогом *к* (*к себе*), а четвертый актант может заполняться именной группой «*на + вин. п.*» (*на блины, на вечеринку*). То есть *к себе* и *на помощь* в (18b) заполняют разные семантические валентности предиката. А форму дат. п. в (18a) можно анализировать как заполнитель валентности слова *помощь*. Таким образом, в случае (18) мы имеем совпадение морфосинтаксических характеристик конкретных выражений с морфосинтаксическими характеристиками конструкций с внешним посессором и конструкций с расщепленной валентностью. Синонимия

в парных примерах (1) и (8), на наш взгляд, является результатом схожего совпадения: дативная конструкция, вероятно, действительно возникает в результате подъема посессора со всеми присущими ему прагматическими изменениями, а *к*-конструкция существует независимо, но семантически совпадает с дативной. Это в общем не должно нас удивлять, коль скоро речь идет о таких фундаментальных отношениях, как «человек — часть тела» и «человек — собственность».

Обилие парных примеров с глаголом *лезть* связано с его многозначностью, причем не все его значения сводятся к перемещению. На наш взгляд, в парных примерах (1) и (8) глагол *лезть* употреблен в разных значениях. Это доказывается корреляцией с разными формами совершенного вида: *в сумочку лезть / полезть* ‘забираться рукой во что-нибудь закрытое’ — *в душу лезть / залезть / влезть* (т. е. те же корреляты, что у значений с вершинным компонентом ‘перемещаться’). В словаре Ушакова в словарной статье «ЛЕЗТЬ» под номером 4 выделяется значение ‘проникать, забираться куда-нибудь (в чужое помещение, владение) с целью воровства’, иллюстрируемое примерами *Воры лезут в квартиру; Лезть в чужой карман* [Ушаков 2: 21]⁴. Для такого значения тот, кого обкрадывают, является семантическим актантом ситуации и может претендовать на отдельную, факультативную синтаксическую валентность. Ее реализацию мы и усматриваем в примере (1a). Мы не склонны объяснять его возникновение механизмом экстрапозиции посессора. Этот механизм реализован только в примере (1b). Считать также и пример (1a) результатом его действия — значит предполагать, что этот механизм, в одних и тех же условиях будучи примененным к одной исходной структуре, может дать два разных результата.

Фразеологизм *лезть в душу*, с одной стороны, опирается на образ перемещения в пространстве, а с другой стороны, семантически сближается со значением *лезть* ‘приставать’. Это последнее значение, несомненно, имеет семантический актант, обязательно одушевленный, выражаемый на синтаксическом уровне сочетанием «к + дат. п». Мы склонны усматривать его и в случае выражения *лезть в душу*. Поэтому синонимия (8a) и (8b) объясняется так же, как и в предыдущем случае: *к*-конструкция — это реализация некоторой отдельной валентности, а дативная конструкция — результат грамматической операции по выносу посессора.

6. Вывод

Все вышесказанное наводит на мысль, что в примерах с *к*-конструкцией вообще не имеет места экстрапозиция посессора. Подобная идея уже один раз высказывалась — в заключении соответствующего раздела своей диссертации М. М. Брыкина пишет: «Строго говоря, “к + ИГ Дат” (именная группа в дательном падеже. — С. Т.)

⁴ Это значение является спорным: [МАС] при описании этого глагола заимствует некоторые значения из словаря Ушакова, однако рассматриваемое четвертое в их число не входит. Зато в [МАС 2: 172–173] под номером 3 приводится такое значение: ‘проникать, входить куда-л. тайком, крадучись’, которое как будто описывает очень похожую ситуацию, также предполагающую некоторого дополнительного участника, от которого таится агент.

не является конструкцией с внешним посессором, так как эта предложная группа либо имеет семантическую роль, либо выступает как локальный посессор» [Брыкина 2009: 102].

Выведение *k*-конструкции из числа конструкций с внешним посессором — это опровержение некоторого положения и потому «отрицательный» результат. Положительный же результат, помимо объяснения того, как возникает омонимия примеров типа *лез к ней / ей в сумочку*, состоит в том, что в случае, когда валентность конечной точки при глаголе перемещения заполнена двумя предложными группами, одной из которых является группа с предлогом *k*, управляющая одушевленным существительным (*лез к X-у в место Z*), выявлен нетривиальный семантический компонент ‘X находится в Z-е’. И поскольку эти случаи близки к классическим случаям расщепления валентности, уместно поставить вопрос о существовании разных типов расщепления валентности, различающихся наличием семантического приращения. Элегантность понятия валентности и практическая польза инструментов, опирающихся на это понятие, не нуждаются в обосновании, но именно поэтому хочется, чтобы с его помощью было описано как можно больше явлений, в том числе и тех, которые до сих пор находились на периферии теории валентностей.

Литература

Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 1 : Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995. 472 с.

АС – Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 3 : Д–З / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Брыкина М. М. Языковые способы кодирования посессивности (на материале корпусного исследования русского языка) : дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2009. 229 с.

Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре : сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 429–441.

Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–45.

Леонтьев А. П. Корреляция генитивных отношений и конструкций с внешним посессором: трудности, возникшие при описании // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам международной конференции «Диалог–2007» / под ред. Л. Л. Иомдина и др. М. : Изд-во РГГУ, 2007. С. 364–368.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999.

Муравенко Е. В. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 71–81.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Ушаков — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

S. P. Timoshenko

*Kharkevich Institute for Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
timoshenko@iitp.ru*

THE EXTERNAL POSSESSOR IN RUSSIAN: COMPARING DATIVE CONSTRUCTION AND THE CONSTRUCTION “*k* (‘TOWARDS’) + NP_{DAT}”

This paper examines the ways of possession expression in Russian. We focus on two of them: the dative construction and the “*k* (‘towards’) + NP_{DAT}” construction. In some cases they seem to be synonymous: (1) *Vor lezet ei / k nei v sumochku* ‘The thief is trying to reach something in her (other person’s) purse.’ Many researchers consider them to be external possessor constructions and treat them as transformations of genitive noun phrases. This approach successfully explains some characteristics of the constructions in question, it even catches some subtle shifts in the semantics that come along with the choice between the dative construction and the genitive NP or between the *k*-construction and the genitive NP. However, it fails to explain how the synonymy like (1) occurs. Examples show that the *k*-construction has its own semantics, which become plain in combination with predicates that do not have the ‘translocation’ component in their meaning at all (*odet’sya k podruzhke na ulitsu* ‘dressing (to go) to a friend (awaiting) outdoors’). In all cases when the *k*-construction is considered to express the external assessor, this semantics is preserved, that leads us to the conclusion that the *k*-construction is presumably not a grammaticalized way of possessor raising, it rather expresses the same semantics in some cases. Most of these cases are due to the semantics of the predicate that imposes restrictions on the actants, as in the case of *lezt’* ‘to penetrate somewhere for the purpose of theft.’ The dative construction probably does arise as a result of possessor raising.

Key words: valency split, external possessor, possessor raising, dative construction, preposition *k* ‘towards,’ semantics of terminal point.

Acknowledgements

The research has been supported by the Russian Science Foundation grant No. 16-18-10422-II.

References

Apresyan Yu.D. *Izbr. tr. T. 1: Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1: Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, 472 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3* [The Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 3]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

Brykina M.M. *Yazykovye sposoby kodirovaniya possessivnosti (na materiale korpusnogo issledovaniya russkogo yazyka)* [Possession Coding in Language (Based on the Corpus Study of Russian)] (Dr. phil. sci. diss.). Moscow, Moscow St. Univ., 2009, 229 p.

Kibrik A.E. [The External Possessor as a Result of Valency Split]. *Slovo v tekste i slovare: sb. st. k 70-letiyu akad. Yu.D. Apresyana* [The Word in Text and in the Dictionary: A Collection of Articles for the 70th Anniversary of Y.D. Apresian]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 429–441. (In Russ.)

Kibrik A.E., Brykina M.M., Leont'ev A.P., Khitrov A.N. [Russian Possessive Constructions in the Light of Statistical Corpus Study]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2006, No. 1, pp. 16–45. (In Russ.)

Leont'ev A.P. [Correlation between External Possessor Constructions and Genitive Relations: Problems that Arise during Research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2007»* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2007*]. L.L. Iomdin et al. (Eds.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2007, pp. 364–368. (In Russ.)

Muravenko E.V. [Cases of Nontrivial Correspondence between Semantic and Syntactic Verb Valencies]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science], 1998, Iss. 36, pp. 71–81. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 26.01.2020)

Slovar' russkogo yazyka [Russian Language Dictionary] (Vols. 1–4, 4th Ed.). A.P. Evgen'eva (Ed.). Moscow, Russkii yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). D.N. Ushakov (Ed.). Moscow, St. Publ. of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940.